

6. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. Новосибирск, 1927. С. 314.
7. Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1922. № 45. С. 43-44.
8. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 323-325.
9. Жизнь Красной Сибири. 1920. № 2. 6. 8; Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М., 1921. С. 39-40; и др.
10. ЦГАНХ. ф. 478. Оп. 3. Д. 1167. Л. 90-93.
11. ССЭ. Т. 1. Стб. 470.
12. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 395, 422.
13. ССЭ. Т. 1. Стб. 470.
14. ЦГАНХ. Ф. 478. Сп. Р. Д. 1526. Л. 10-13; ССЭ. Т. 1. С. 470.
15. Жизнь Красной Сибири. 1920. № 2. С. 9. По другим данным в 1930 г. в Сибири было 438 ветеринарных врачей и Фельдшеров (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 420).
16. Сельское хозяйство Сибири. Вып. 2. С. 426.

ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ НА РОДНОМ (УКРАИНСКОМ) ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ В Ш ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ*

Кутилова Л.А.

В конце XIX - начале XX вв. языковая проблема в украинской национально ориентированной среде воспринималась как одна из главных, а ее акценты смещались в сторону борьбы за ликвидацию ограничений, отмену указов 1863 и 1876 годов¹. Но достижение этой цели само по себе не привело бы к решению проблемы, поскольку легализация прав украинского языка была лишь стартовой площадкой для позитивной деятельности в сфере расширения области его применения. На нем предстояло начать преподавание и прежде всего в начальной школе, дающей азы образования. Речь шла также о развитии литературы, как художественной, позволяющей удовлетворить эстетические потребности народа, так и научной, призванной расширить горизонты его познания, а также популярного характера, дающей возможность, например (что особенно важно для крестьян), получить сведения о землепользовании и землеустройстве. Украинский язык должен был стать языком прессы, отвечающей на злободневные вопросы бытия и позволяющей ориентироваться в политических и другого рода коллизиях.

Необходимость начального образования именно на родном языке - тезис, который сегодня не вызывает возражений. В начале XX в. он был оспорен (в связи с проблемой прав украинского языка) теми, кто никак не хотел признать обособленность малорусского (украинского) народа и языка, на котором он разговаривает². Не возражая против украинского языка как местного, регионального наречия великорусского («общерусского» по терминологии П.Б. Струве), вполне годного для домашнего употребления адепты этой точки зрения выступали категорически против расширения его прав, видя в этом процессе тенденцию «ослабить» и «упразднить»³ общерусскую культуру и общерусский язык, а в перспективе угрозу партикуляризма. Таким образом, вопрос о языке приобретал политическую окраску. Украинцы, выступающие за реализацию уже признанных законом прав родного языка, строили свою аргументацию (в противовес рассмотренной выше позиции), исходя из следующих мотивов.

1. Родной язык является могучим фактором просвещения, так как именно на нем говорит, думает, в его формы облекает свои чувства ребенок, пришедший в школу.
2. Обучение в начальной школе на чужом языке негативно трансформирует процесс усвоения знаний, так как на него накладывается необходимость изучения и запоминания неизвестных слов. Обучающийся не может правильно мыслить на неродном ему языке, так как ясность мысли обуславливается степенью соответствия возникающих в представлении образов их словесной форме. В начале XX в. это положение убедительно доказал один из крупнейших ученых-языковедов А. Потебня в исследовании «Мысль и язык»⁴.
3. Указанное обстоятельство нарушает естественный (и без того трудный) механизм чтения и письма, восприятия содержания изучаемого, поскольку сознание ученика блокирует поступление информации вследствие неясности языка, на котором она подается.
4. Подобная ситуация создает рецидивы безграмотности, то есть родной язык не изучается, а чужой забывается из-за отсутствия разговорной практики⁵.
5. Наконец, общая необразованность народных масс имеет своим следствием культурную и экономическую отсталость.

Исходя из этих доводов, 37 депутатов Ш Государственной думы подали на рассмотрение парламента «Проект основного положения о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением»⁶.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 96-01-00516)

Документ носил достаточно умеренный характер: утверждая право украинского языка как языка преподавания, он не отрицал русского в качестве предмета, причем обязательного, обучения. Необходимо подчеркнуть при этом, что подобный подход был типичным для деятелей украинства. М.С. Грушевский, например, также признавал необходимость изучения русского языка на всех уровнях образования, поскольку он представлялся в роли общегосударственного средства межнациональной коммуникации в полиэтничной России, реформированной на принципах федерализма⁷.

В объяснительной записке к предложенному проекту депутаты не только всесторонне рассматривали аргументы «за», подкрепляя их высказываниями авторитетов как в области языкознания (точка зрения А. Потебни), так и педагогики (К. Ушинский), но и реконструировали исторические реалии XVI-XVII вв., когда украинский народ отличался высоким уровнем просвещения (в том числе среди женщин). Для доказательства своей правоты депутаты приводят следующие данные. По переписи 1740-1748 гг. в семи полках Гетманщины на 1094 населенных пункта было 866 школ, по Румянцевской описи в Черниговском полку на 142 села приходилось 143 школы⁸. Депутаты утверждали, что украинский народ никак нельзя обвинить в отсутствии стремления к образованию, оно лишь подавлялось искусственными мерами (к концу XVII в. уровень образованности в украинских землях снижается как следствие утраты украинским народом своих социальных прав в результате введения крепостного права и кассации гетманского строя, а впоследствии это результат запрещения украинского языка и оторванности школ от народа).

Тезис о том, что украинизация школ была жизненно важной потребностью, а выкрик графа Бобринского на одном из заседаний Государственной думы по поводу украинского языка в народной школе «Они не просят!» - дезинформация, подтверждают факты разного рода. Среди них многочисленные обращения украинцев, например, к П.Н. Милюкову, одному из наиболее популярных думских деятелей, о введении родного языка в начальных школах Украины. Не просто теоретические рассуждения, а именно призывы «с места, с гущи народной» были импульсом для выступления депутатов. «Если в нем (законопроекте -Л.К.) не будет ясно и точно обозначено, что обучение в начальной школе в местностях с малорусским населением должно вестись на его родном языке, то украинский народ... будет обречен на продолжительное невежество, а может быть и на вымирание, конечно, духовное», - читаем в заявлении украинского общества «Просвита» города Мелитополя⁹. Об угрозе страшного процесса денационализации, «умирания нации заживо, перехода ее физически живой в национальное небытие» как следствия запретительных мер центра, в том числе и в области школьной политики, идет речь в другом документе «О политике правительства в украинском вопросе», направленном в адрес П.Н. Милюкова¹⁰.

Касаясь судьбы законопроекта, отметим, что она была достаточно традиционна для практики первых русских парламентов: переданный в думскую комиссию для вердикта о желательности или нежелательности введения украинского языка в начальной школе, он был погребен в архиве, впоследствии в дебатах по вопросам общего законопроекта о начальной школе отвергнут большинством голосов.

Думается, судьба его была предопределена заранее. Во-первых, украинский вопрос еще не завоевал сочувствия в прогрессивных кругах и вследствие малого знакомства с ним, и вследствие преобладания в обществе централистской психологии, не желающей признавать самобытности украинского этноса, его культурных, а тем более политических прав. Весомость и значимость проблемы не стали еще достоянием общественного сознания, этот процесс только начинался, поэтому большинства депутатов умеренно-октябристской Государственной думы документ не мог завоевать. Дело было также в том, что ни одна думская фракция не взяла на себя инициативу законопроекта, подписавшие его не составляли также и особой украинской группы; их объединение имело случайный характер - депутаты, не игравшие заметной роли в деятельности парламента, поэтому вряд ли они могли отстоять проект в думских дебатах при общем негативном отношении. Крупнейшие деятели украинства, например, М.С. Грушевский, оценивая ситуацию, исходили из того, что внесение законопроекта не было демонстрацией определенной точки зрения в национальном вопросе¹¹. Но, на наш взгляд, нельзя преуменьшать значения документа. Прецедент его появления был показателен как пример для действий подобного рода в будущем уже с четко осознанных и выраженных национальных позиций. Он явился индикатором начала процесса изменения отношения к украинскому вопросу в российских прогрессивных общественных кругах.

1. Оба они запрещали употребление украинского языка (кроме сферы бытового общения) и распространение литературы на нем.
2. Флоринский утверждал, например: «Факт этнического единства всех ветвей русского народа - великороссов, малороссов, белоруссов - сам по себе предполагает единение их в одном общем литературном образованном языке» и доказывал «единство всех русских наречий в смысле

- принадлежности их к одной и той же лингвистической категории - русскому языку». См.: Флоринский Т. Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. СПб., 1900. С. 34, 27.
3. Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 86.
 4. Потебня А. Мысль и язык. Язык и народность. О национализме. Харьков, 1913.
 5. По данным «Объяснительной записки» к предложению 37 членов Государственной думы о пользовании малорусским языком в начальных школах Малороссии (анализ данных переписи 1897 г.) процент грамотности всего населения России - 21,2%, в некоторых великорусских губерниях - 36%, в малорусских же он понижался, иногда до 9 %. (См.: Объяснительная записка... Стб. 1231).
 6. О языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 3, сессия 1. 1907-1908. СПб., 1908. Стб. 1230.
 7. Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 90-91.
 8. Объяснительная записка к предложению 37 депутатов Государственной думы о пользовании малорусским языком в начальных школах местностей с малорусским населением // Приложения к стенографическим отчетам... Стб. 1231-1232.
 9. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1853. Л. 1.
 10. Там же. Д. 1855. Л. 5.
 11. См.: Грушевский М.С. Украинские дебаты // Литературно-научный вестник. 1913. №7-8. С. 154.

Л.ТИХОМИРОВ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И САМОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРСТВА (1892-1905 ГГ.)

Милевский О.А.

Взаимоотношения православной церкви и государственных структур во все периоды отечественной истории являлись краеугольным камнем в фундаменте построения русской государственности. Поиски церковно-государственной симфонии, наиболее гармонично соответствующей запросам русской духовной жизни, легли в основу большинства крупных религиозно-философских разработок прошлого.

Они продолжают и сейчас. Более того, в период безвременья и смуты в умах россиян, именно органичный союз церкви и государства представляется тем спасительным кругом, за который ещё может хватиться вконец дезориентированное русское общество.

Однако, прежде чем искать ответы на этот вопрос в настоящем представляется целесообразным опереться на опыт предшественников. И в этом плане очень интересной представляется разработка церковно-государственной проблематики в трудах крупного публициста и общественного деятеля конца XIX - начала XX вв. Л.Тихомирова. Его поиски в этом направлении увенчались созданием обширного историософского полотна "Монархическая государственность", увидевшего свет в 1905 г. и имевшего успех в консервативном лагере.

Отметим, что исследовать эти проблемы Л.Тихомиров начал практически сразу по возвращении в Россию из эмиграции и разрыва с русскими революционерами, обусловленного выходом в свет его нашумевшей брошюры "Почему я перестал быть революционером" (1888 г.). Уже в ней он ставил вопрос о незыблемости самодержавной власти в России, под эгидой монарха и в союзе с православной церковью.

Вернувшись в Россию в 1889 г. Л.Тихомиров сразу начинает активное сотрудничество в общественно-политических изданиях правого толка. Особое место в его публицистической деятельности занимали "Московские ведомости" и журнал "Русское обозрение". Именно в "Русском обозрении" начиная с 1891 г. появляются его основные работы, посвящённые церковно-государственной тематике и приведшие его к созданию целостной теории "монархической государственности".

Первостепенное значение при выработке теории "идеальной монархии" Л.Тихомиров придавал роли православной церкви, причем за основу он брал именно каноническое православие, незыблемость которого отстаивал в многочисленных статьях, направленных против попыток его модернизации, предпринимавшихся некоторыми религиозными философами. Особенно ярко это проявилось в творчестве Л.Тихомирова в начале 90-х г. И объяснялось тем, что 80-90-е гг. XIX в. были расцветом русской религиозно-философской мысли. Причем ее формирование шло как бы в двух плоскостях: канонической, ориентированной на традиционные православные ценности (К.Леонтьев, К.Победоносцев, представители церковной иерархии) - направление, к которому склонялся и Л.Тихомиров, и оригинальные философские разработки, оценивающие православие с учетом изменившихся социально-политических и нравственных реалий (В.Соловьев, В.Розанов). Особняком стоял Л.Толстой с его еретическими для традиционного православия идеями. Л.Тихомиров, видевший в каноническом православии нравственную связь между народом и верховной властью, вступает в полемику с религиозными философами, подрывающими, по его мнению, эту связь. Особенно беспокоила его